

ДВУМЯ КРАСКАМИ

Знакома ли вам такая картина? Субботний вечер. Электрички наполнены пассажирами до отказа. Рядом с солидными людьми в приличной одежде сидят люди не менее солидные, но в одежде, хотя и приличной, но все же какой-то странной, не подходящей для предпраздничного дня: кеды, спортивные брюки, у ног — рюкзаки с привязанными к ним помятыми котелками. А рядом — и стоя, и сидя на рюкзаках — парни и девчонки в не менее странной одежде. Не прошло и десяти минут, как все они перезнакомились и кричат уже на весь вагон: «Тренируйся, бабка, тренируйся, Любка», — вызывая недоумение у солидных людей в одежде «просто приличной». А потом вдруг полетится задушевное: «Слушай, на время время позабудь...»

Куда и зачем едут эти странные люди? Куда — еще можно догадаться по рюкзакам. Но зачем — вот в чем вопрос? И если вы знаете, зачем они едут, вам понравится повесть

Вадима Хачикова «Шесть ударов», выпущенная не так давно Ставропольским книжным издательством. Потому что эта повесть как раз о таких «ненормальных» людях, которые могут вдруг ни с того ни с сего взять отпуск без содержания и отправиться... в горы.

Есть ли романтика в наши дни? Вадим Хачиков убежден, что есть. Только жизнь сейчас легче и спокойнее, чем в годы, овеянные романтикой революции и первых пятилеток. Просто мы ко многому привыкли. То, что раньше казалось редким, стало теперь обычным. И хочется иногда человеку «встряхнуться». Тогда он и бросает свой любимый город, рискуя потерять пропуску, и едет куда-нибудь в Сибирь, на стройку, или берет вдруг отпуск без содержания и отправляется в горы, чтобы лазать по ним, обливаясь потом, а потом мерзнуть. Есть такие люди. Их много. Это поэты, хотя, может быть, они и не пишут стихов. Но они поэты даже потому, что

в их глазах горы, например, не просто складки земной поверхности, а костер в лесу — не просто источник тепла. Вадим Хачиков и рассказывает о таких «поэтах»,

Это начальник контрольно-спасательного пункта по прозвищу Дед. Когда-то, лет тридцать назад, этот человек впервые увидел, как из-за горного хребта встает солнце, он пошел навстречу ему и с тех пор не мог уже представить себе жизни без этих гор, без этого солнца. Он стал приезжать в горы каждое лето — сначала, чтобы учиться, потом — чтобы самому учить других искусству ходить по горам, а потом и совсем, навсегда поселился в горах. И не зря именно ему доверили спасательную службу большого горного района.

Это Валерка-Олень, доказавший, что тоненькое и хрупкое тело можно сделать гибким и сильным.

Это доктор, как и Валерка, сумевший преодолеть свою «хилость», чтобы увидеть

то, о чем так поэтично рассказывал Валентин.

И, наконец, Валентин, главный герой повести, любимое «дитя» автора. Валентину нет еще тридцати. Работает он в редакции. Тех, кто с ним знаком, больше всего поражает его неистовая жадность к знаниям. Например, доктора. Ему нравилось бывать у Валентина в его маленькой комнате, «где книги и журналы лежали попеременно с образцами минералов, а на крышке приемника или магнитофона могли оказаться темные очки-консервы, мотки репшнура, фотопринадлежности. Все здесь говорило о том, что хозяин — путешественник». Встретив нового интересного человека, Валентин засыпал его вопросами, в которых тот мог быть компетентен. И еще есть одна замечательная черта у Валентина Миронова — он умеет заразить других своей жадностью к знаниям, любовью к красоте. Вот почему в Валентина «влюблены» девчонки из туристского кружка, которым он руководит (и на это он ухитряется находить время); преклоняется перед ним доктор, сам неглупый и неплохой человек; вот почему не может не поддаться его влиянию Лиля. Валентин умел видеть необыкновенное в самых, казалось бы, обычных явлениях. «Скольким людям он душу

украсил», — говорит о Валентине доктор. Чувствуется, автор убежден, что именно такие люди, как Валентин, поэты, жизнелюбы, романтики, и есть настоящие люди. Если человек умеет находить необыкновенное в обычном, прекрасное в повседневном, он и в поступках своих прекрасен. «Эстетика — этика будущего», — предсказал еще А. М. Горький. Об этом вспоминаешь, когда читаешь повесть В. Хачикова.

Называется повесть «Шесть ударов». Почему автор дал своей повести это название?

По международному коду альпинистов это значит — кто-то попал в беду. В повести В. Хачикова в беду попали два альпиниста — Валентин и Василий. Жизнь их в опасности. Но о беде узнают люди. Шесть ударов в минуту через равные промежутки — сигнал бедствия. Каждый альпинист, услышав его, понимает, что нельзя терять ни минуты. Парни, попавшие в беду, спасены. Вот и вся история. Но случай в горах стал поводом для серьезных размышлений о жизни, о людях.

О том, что жизнь двух человек в опасности, узнают многие. Но ведут себя они по-разному. Одни спешат на помощь, рискуя собою, другие равнодушны, третьи — трусят. Как черные

фигурки на белом снегу, видны читателю идущие на помощь, люди с красивыми душами. Их много, несравненно больше, чем равнодушных и трусов.

Равнодушные и трусы, эти «маленькие человечки» оказались смяты, захлестнуты волной человеческой солидарности, бескорыстия, самопожертвования.

И все же они есть эти «маленькие человечки».

Повесть написана как бы двумя красками — белой и черной. Впечатление это усиливают рисунки художника В. Доде. И это соответствует замыслу автора: повесть В. Хачикова не только гимн Человеку и Горам. Повесть «Шесть ударов» — война с мещанством. Эта мысль звучит в финале повести: «Человек приходит в горы бороться и побеждать... Слабым и мелким нечего делать в горах».

Мысль верная. Но в художественную ткань она воплощена не всегда удачно. Автор слишком увлекся противопоставлением людей хороших и людей плохих, и это не могло не привести его к схематизму. Семья Нади, знакомые этой семьи, — только мещане; красавец Игорь — только фразер, пошляк и, следовательно, трус, в то время как комсорг Катя — средоточие всех достоинств.

Так получилось у В. Хачикова. В жизни же все

гораздо сложнее. «Мещанин многолик», - это заметил еще А. М. Горький. И в наше время мещанство не стало менее сложным и опасным явлением. А в повести «Шесть ударов» оно показано слишком уж прямолинейно, лобово, однобоко, как и вообще все отрицательные персонажи повести.

Желая показать людей хороших, В. Хачиков тоже теряет чувство меры. Возьмем комсорга Катю. Конечно же, в жизни мы не раз встречали обаятельных девчонок, которым до всего есть дело, всем они интересуются, без общественной работы не представляют себе жизни. К ним приходят, как к другу, и девчата, и парни. Танцулькам они предпочитают серьезную книгу, но на хороший вечер они пойдут; больше того, они сами сделают все, чтобы организовать такой хороший вечер отдыха с выдумкой, с изюминкой. Тогда сбросят они свой тренировочный костюм, наденут соответствующее платье и туфельки на шпильках, а косички превратят в изящную прическу — и ахнут ребята и скажут себе (а может быть и ей): «А я и не знал, что она (ты) красавица!» Такой, видимо, и хотел показать автор Катю. Но не получилась она у него обаятельной. Почему? Потому что слишком увлекся автор одной

краской.

Вот его Катя, которая по идее должна быть внимательной и чуткой, выпускает в свою комнату Колю с незнакомой ей Надей и вместо того, чтобы спросить, в чем дело (ведь у Нади лицо человека, убитого горем), она «с размаху прыгает на диван и хватается книжонку, которую, видимо, только что читала. Потом спохватывается и откладывает».

Оказывается, она читала «научную фантастику». Затем минут десять уходит на «обработку» Коли: он просит у Кати эту книгу, а она ставит ему условия: «Прочтешь Лермонтова, расскажешь, тогда дам тебе эту книжку». И только теперь Катя задает вопрос, относящийся к Наде: «Так что же у вас случилось?» И еще не узнав, в чем дело (видимо, заранее уверенная, что ничего страшного, из-за чего можно человеку плакать, в жизни нет), говорит всхлипывающей Наде строгим голосом: «Погоди, не реви!»

Пропагандировать Лермонтова, даже таким способом, каким это делает Катя, — похвально. Не менее похвально пропагандировать и зарубежных классиков. И хорошие слова Антуана Сент-Экзюпери о том, что «любовь не означает, чтобы один смотрел на другого, а чтобы оба смотрели в одну сторону», весьма поучительны для

Нади и выбраны Катей удачно. Но все же для Нади куда важнее было услышать от Кати весть о спасении мужа, которую та сообщает только после небольшой «этической» беседы.

Жизнь нельзя писать только двумя красками, тем более, когда автор стремится отразить не какой-то отдельный эпизод, а осмыслить окружающую его современную жизнь, характеры своих современников. И когда автор помнит об этом, ему удается сделать своих героев живыми людьми. Например, Лилю. Автор как будто выхватил из жизни эту девушку. Она красива, умна, привыкла к тому, что нравится мужчинам. Она незаурядна, но на пути ее встречались все больше Игоря и Томки, а Валентины не встречались. И поэтому она безотчетно грустит, чем-то тяготится. И вот, наконец, встречает она Валентина — и автор тонко и правдиво показывает, как Лилия постепенно становится такой, какой она должна быть. И пусть она не сразу поймет тайну гор, которую знает Валентин, но, право же, он откроет ей тайну, как открыл ее доктору, сестренке доктора и десяткам других людей, которым он «душу украсил». Потому что он «волшебник», «добрый дух», который встретился Лиле в лесу и исполнил все ее желания. (Сколько поэзии в этой сцене! Какая

девушка не позавидует Лиле, читая эти страницы?) Потому что она сама из тех, которые мечтают видеть людей добрыми и прекрасными. И Валентин понял это все сразу, еще в лесу. А позже сказал ей об этом: «Ты сама не знаешь, какое ты сокровище. Ты же молодец и большая умница, хотя иногда и стараешься выглядеть хуже, чем есть на самом деле».

Поведение Лили с того момента, как она узнает о несчастье с Валентином, правдиво и психологически оправдано. Нужно обладать известным мастерством, чтобы передать сложный процесс динамики человеческих чувств в пределах маленькой повести.

Несомненно, автор работает над совершенствованием писательского мастерства, у него будет свой стиль. Он наметился уже в этой первой работе. Тяготение к лаконизму, стремление динамично и увлекательно построить сюжет, поэтичность — приметы этого стиля. Композиция повести интересна и удачна. Письма, воспоминания, авторские отступления органично вплетаются в повествование. Автор владеет вниманием читателя.

Тем досаднее, что автору иногда изменяет чувство психологической правды. Возьмем, к примеру, главу

четырнадцатую. Валентин уже на пределе человеческих сил. Усилием воли он заставляет себя идти, идти — иначе погибнет, если не он, то его товарищи. «Шаг, еще шаг... В глазах плывут мерзкие огненные пятна. Сердце стучит, как двигатель на больших оборотах...» К чему здесь это сравнение?

Стремление к лаконизму — отличительная черта повести. Но и здесь автор не всегда последователен. Правда, нужно быть большим мастером, чтобы на немногих страницах сказать о многом, нужно владеть методом, который Э. Хэмингуэй образно назвал «методом айсберга»: семь восьмых его под водой и только восьмая часть — на виду. Если писатель стремится к лаконизму, то он должен быть верным себе до конца, во всем. Если герои говорят, то пусть уж не говорят они лишнего, пусть уж говорят они сами. А в повести В. Хачикова мы нет-нет да слышим в голосах его героев фальшивые нотки: это вмешался автор. Например, тирада, которую обрушивает Валерка на голову струсившего Игоря, совершенно лишняя. И неуместная к тому же. «Мразь ты, а не руководитель! — кричит Валерка.— А ты подумал о тех двоих? Сам на их месте сразу бы завопил: «Подлецы! Бросили!» И

правильно. Подлец тот, кто товарища бросает. Если нужно, десять человек сдохнут, а одного спасут. Потому что знают — другие для них тоже на все пойдут!»

Автор хочет дать психологическую мотивировку этой тираде: «Валерка взбешен, он пытается овладеть собой, но не может удержаться: «Пижон!» «Пижон» у Валерки - самое страшное ругательство». А было бы куда естественнее, если бы Валерка ограничился этим презрительным «Пижон!» и не терял драгоценного времени на декламацию прописных истин в то время, когда каждая минута промедления могла стоить человеку жизни. Читателю и без того уже давно ясно, что представляет собою Игорь, читатель уже знает, что не десять, а десятки людей идут на риск, чтобы спасти пострадавших. И идут вовсе не потому, что другие для них «тоже на все пойдут». Игорь, например, не пойдет, но, окажись он на месте Василия и Валентина, люди так же рисковали бы своей жизнью для спасения его, Игоря, жизни.

«Айсберга» не получилось, В результате — дидактизм, автора только вредит его героям. А в целом повесть неплохая. Строгая и поэтичная. И нужная.